

В полумраке мансарды появился небольшой платяной шкаф — Пэй Чан притащил его сюда сам.

Внутри висели его домашние халаты и костюмы, лежали свежие одеяла и подушки.

Но приметнее всего на чердаке было огромное ростовое зеркало.

Сейчас Пэй Чан стоял перед ним, застегивая запонки и поправляя галстук.

В зеркальной глубине отражалась чья-то сгорбленная спина, укутанная копной длинных волос — фигура в углу сидела не шелохнувшись.

С тех пор как на чердаке появилось зеркало, пленник не менял позы.

При виде этого Пэй Чан едва заметно усмехнулся.

Надо же, понимает, что уродлив, и стыдится.

Пэй Чан накинул пиджак и, иронично вскинув бровь, негромко бросил в спину твари:

— Гуайгуай, жди меня.

С глухим стуком захлопнулась дверь, снаружи дважды провернулся ключ.

Лишь когда шаги Пэй Чана затихли вдали, почти окаменевший монстр медленно поднял голову.

На мутной глади отразилось лицо, наполовину скрытое спутанными прядями. Он тупо уставился на себя — угольно-черные, лишённые зрачков провалы глаз не выражали ровным счетом ничего.

Вскоре он отвел взгляд и протянул исхудавшую руку. словно дряхлый старик с пилой, он принялся монотонно, звено за звено, натягивать сковывавшую его цепь.

Другой ее конец был намертво прикован к ножке хирургического стола, на котором мог уместиться разве что взрослый мужчина. Сам стол был намертво приварен к стальному полу.

Однако теперь сквозь лязг железа пробился едва различимый скрежет.

В тусклом свете, проникавшем сквозь узкое окошко, можно было разглядеть, как металл

приваренной ножки покрывается паутиной трещин и постепенно поддается.

Когда адвокат Чжан снова переступил порог офиса Корпорации Пэй, у него против воли зачесался затылок от подступающей нервной дрожи. Предстоящий разговор пугал его куда сильнее предыдущего.

— Господин Пэй, ваш... ваш отец, господин Пэй, хочет вас видеть.

Разумеется, старик не просто «хотел» — он требовал, настаивал и не принимал отказов. Но врожденное чувство такта и профессиональная дипломатия заставили Чжана смягчить формулировку.

Пэй Чан даже не поднял головы от документов.

— Как он поживает? Все ли у него хорошо?

Адвокат украдкой взглянул на лицо начальника, силясь угадать, какого именно ответа тот ждет. Помедлив, он решил не лукавить:

— Честно говоря, не очень.

— Что ж, в таком случае стоит его навестить, — Пэй Чан с едва заметной издевкой приподнял уголки губ и с тихим щелчком закрыл колпачок ручки.

Адвокат Чжан промолчал, лишь почтительно склонил голову:

— Как прикажете.

Отец Пэй Чана действительно выглядел паршиво. Некогда утонченное, холеное лицо осунулось и поблекло, всегда безупречно уложенные волосы были сбриты под корень. Под глазами темнели налитые синевой синяки, а в уголке рта запеклась темная кровь.

И все же порода брала свое. Человек, рожденный с золотой ложкой во рту, даже в бесформенной тюремной робе выделялся на фоне серой массы арестантов. Впрочем, бывшее благородство манер оставалось единственным, что у него еще не отняли.

— Ублюдок! Живо вытащи меня отсюда!

Едва они встретились, как мужчина со всей силы грохнул ладонью по столу. Посыпавшиеся из

его рта грязные ругательства вмиг развеяли остатки напускного аристократизма.

Пэй Чан вальяжно закинул ногу на ногу и, не мигая, уставился на беснующегося отца. Если присмотреться, в его холодном взгляде сквозило самое настоящее удовольствие.

«Чему он радуется? — пронеслось в голове адвоката. — Неужели тому, что его собственный отец исходит злобой в камере, точно загнанная в угол плешивая дворняга?»

От этой догадки Чжана бросило в холодный пот. Он тут же вытянулся в струнку и уставился прямо перед собой, стараясь даже не дышать.

Пэй Чан пропустил чужие вопли мимо ушей и неторопливо произнес:

— Я пришел сообщить тебе новость. Чэнь Сыцин мертва.

— Кто? — Господин Пэй озадаченно нахмурился.

Потребовалось немало времени, прежде чем до него дошло, что речь идет о его законной супруге. Он пренебрежительно фыркнул и, вальяжно откинувшись назад, процедил:

— Туда ей и дорога. Давно пора.

С ее-то привычкой сутками напролет торчать в стерильных застенках и ставить свои жуткие опыты — удивительно, как она вообще дотянула до сегодняшнего дня.

Господин Пэй взгляделся в лицо сына, унаследовавшее все лучшее от него и Чэнь Сыцин, и издевательски хохотнул:

— А ты все такой же бездушный выродок. Родная мать окочурилась, а тебе хоть бы хны.

И правда: Пэй Чан даже не соизволил явиться на ее похороны.

Господин Пэй попытался воскресить в памяти образ покойной жены, но перед глазами всплывало лишь мертвенно-бледное лицо и лихорадочно блестящие безумные глаза. Она всегда напоминала ему упыря, выбравшегося из склепа.

Когда-то старейшина Пэй велел ему обзавестись наследником. Невеста могла быть кем угодно — старик не требовал ни знатного происхождения, ни хороших манер. Единственным условием было одно: девка не должна быть дурой.

Как раз в то время Господин Пэй знал одну сумасшедшую в университете, которая отчаянно

искала деньги на свои исследования. И тогда, движимый то ли желанием насолить упрямому отцу, то ли извращенным любопытством, он пришел к Чэнь Сыцин.

Сделка была простой: он полностью финансирует ее безумные опыты, а она вынашивает его ребенка. Услышав условия, девка согласилась без малейших колебаний. Ходили слухи, что ради денег на реактивы Чэнь Сыцин к тому моменту уже успела продать собственную почку.

В тот миг он сам не понял, что почувствовал. Глядя в ее одержимые глаза, он просто хохотал до коликов, утирая слезы.

В таком союзе и родился Пэй Чан. У него никогда не было нормальной семьи, свободы или права выбора. Обычный инструмент, выкованный ради выгоды, чья судьба была предрешена еще до зачатия.

Выполнив свою часть сделки, Чэнь Сыцин с головой ушла в науку и больше ни разу не переступала порог дома Пэй. За всю жизнь Пэй Чан видел биологическую мать от силы раз пять.

А его отец тем временем окончательно пустился во все тяжкие, превратив свою жизнь в непрекращающийся грязный кутеж.

Когда Пэй Чану исполнилось три года, отец начал приводить в дом любовниц. Их было так много, что мальчик даже не пытался запоминать их лица. Годом позже непутевого папашу замели в полицию за организацию групповой оргии.

В пять лет одна из одурманенных наркотиками пассий отца попыталась поднять руку на ребенка. В итоге обезумевшую бабу избили до полусмерти, а самому господину Пэю сломали ногу. И пятилетний Пэй Чан наблюдал за этой расправой от начала и до конца.

К шести годам, пройдя через жесточайшую муштру, Пэй Чан полностью оправдал ожидания деда. Старейшина Пэй признал его достойным преемником, а собственного сына окончательно списал со счетов, превратив в никчемную тень.

— Она твердила, что станет великой, что ее исследования перевернут мир! Ха-ха-ха!..

Мужчина смеялся до слез, искренне наслаждаясь собственными воспоминаниями. Однако натолкнувшись на холодный, безразличный взгляд сына, он мгновенно растерял весь запал. Лицо его помрачнело, и он глухо потребовал:

— Вытащи меня отсюда.

Пэй Чан равнодушно бросил:

— Тебе отсюда не выйти.

— Я хочу на волю! Выпусти меня!

Отец вскочил на ноги и принялся исступленно колотить кулаками по разделительному стеклу.

Стоявшему рядом надзирателю это быстро надоело, и он грубо навалился на арестанта, заламывая плечо. Господин Пэй отчаянно брыкался, скаля зубы и катаясь глазами в припадке безумия. Двум дюжим конвоирам пришлось применить силу, чтобы скрутить его.

И только тогда на лице Пэй Чана проступило подобие улыбки. Он слегка приподнял уголки губ, но в его глазах вспыхнуло такое же безумное, темное торжество, как и у бьющегося в путах отца.

При виде этой немой сцены адвокат Чжан ощутил, как ледяной холод сковывает внутренности.

«Безумнее этого зрелища мир еще не видывал, — с содроганием подумал он. — Вся эта семейка напрочь лишена рассудка».

Пэй Чан вернулся в особняк только к десяти часам вечера. Наскоро приняв душ, он накинул шелковый халат и ленивой, небрежной походкой поднялся в мансарду.

Однако сегодня под крышей все казалось непривычным.

То ли из-за затянувшейся непогоды, то ли по какой другой причине, но мрак стоял непроглядный. Плотная, тяжелая тьма, словно разлитая тушь, окутывала каждый угол, скрывая очертания предметов.

Когда за спиной мужчины захлопнулась дверь, отрезав тусклый свет из коридора, чердак окончательно погрузился во тьму.

Пэй Чан осторожно сделал шаг вперед. Вокруг царил мертвая тишина — ни привычного хриплого дыхания монстра, ни привычного бряцания стальных оков.

Вдруг за окном оглушительно грохнуло, и вспышка молнии на мгновение озарила зеркальную гладь. Пэй Чан инстинктивно повернул голову на свет, но в ту же секунду из темноты метнулась огромная тень и сбила его с ног.

Мир вокруг покатился кувырком, и Пэй Чан, рухнув на пол, глухо застонал.

В лицо ему ударило горячее, прерывистое дыхание. Яростно рванувшись, Пэй Чан прорычал:

— Отпусти меня, тварь!

Зверь навис над ним, обдавая жаром. Прижатые к полу руки онемели, тело сковала непосильная тяжесть. Сейчас Пэй Чан походил на загнанную крупным хищником добычу, которую тот был готов растерзать в любой миг.

Во взгляде мужчины вспыхнула ледяная злоба. Резко согнув ногу, он нанес мощный удар коленом в живот противника. Стоило твари на мгновение ослабить хватку, как он изо всех сил пихнул ее ступней, отбрасывая прочь.

Но подняться он не успел. Монстр снова навалился сверху, вонзая острые когти в плечи. Резкая, обжигающая боль отозвалась вспышкой ярости в голове. Пэй Чан наотмашь хлестнул тварь по морде:

— Пошел вон!

Горячий оскал замер в паре сантиметров от его лица, запястья снова оказались намертво прижаты к доскам пола. В завязавшейся потасовке тонкий шелковый халат сполз до самых локтей, удерживаемый лишь чудом уцелевшим поясом. Обнаженный бледный торс и длинные бедра оказались полностью открыты чужому взгляду.

Пэй Чан попытался пнуть монстра свободной ногой, но тот вцепился в его щиколотку и с силой потянул на себя, заставляя скользить по жесткому полу.

Спину нещадно ободрало, ногу стиснуло железными тисками. Никогда еще наследный принц Корпорации не бывал в столь унижительном положении.

Очередной раскат грома расколол небо, и яркая вспышка на секунду выхватила из темноты огромный, уродливый силуэт. Искаженное, жуткое лицо замерло прямо над ним, обдавая кожу хриплым, прерывистым дыханием.

Впервые Пэй Чан отчетливо осознал разницу в их силе. Монстру хватало одной ладони, чтобы обхватить его за талию, а колоссальное тело давило сверху гранитной плитой, полностью подавляя волю к сопротивлению. У него попросту не было шансов в этой борьбе.

— Кх...

Монстр грубо развел его бедра в стороны, скомкав остатки халата на поясице. Вцепившись в длинные волосы, он резко потянул голову Пэй Чана назад, заставляя того выгнуть шею.

За окном неистовствовала буря. Вспышки молний следовали одна за другой, а по крыше с грохотом забарабанил проливной дождь. Пэй Чан, сощуриив полные ярости глаза, продолжал отчаянно брыкаться, невзирая на риск сломать суставы.

Горячий оскал скользнул по его шее, оставляя за собой дорожку влажного тепла. Острые клыки прижались к плоти у самого горла, готовые в любой миг перекусить сонную артерию.

Но тут небесный свод раскололся пополам от оглушительного грохота. Ослепительный зигзаг молнии прорезал стекло и на мгновение залил комнату мертвенно-белым светом. Занесший зубы над шеей монстр замер.

Этой секундной заминки хватило, чтобы Пэй Чан собрал остатки сил и мощным ударом отбросил его в сторону.

На этот раз тварь не стала атаковать снова, растворившись в густой темноте. Пэй Чан тяжело дышал, стоя посреди разгрома в растерзанном халате. Его обнаженная грудь ходила ходуном от kloкотавшей внутри ярости.

Одарив скрытый во мраке силуэт ледяным взглядом, он без лишних слов развернулся и стремительно покинул чердак.

Раскаты грома и непрекращающиеся всполохи молний за окном превращали дождливую ночь в сущий кошмар.

Сидящий на полу монстр шевельнулся лишь спустя долгое время. Сухая, костлявая ладонь медленно потянулась к алеющим на половицах каплям свежей крови.

Вернувшись в спальню, Пэй Чан с грохотом захлопнул дверь. Кровь из глубоких царапин на предплечье успела залить всю ладонь и теперь мерно капала на дорогой ковер, оставляя за собой багровый след.

С мрачным видом он замер перед трюмо. Закинув голову, он уставился на собственную шею — на бледной коже отчетливо проступали глубокие багровые следы от клыков, увенчанные каплями выступившей сукровицы. Ярость душила его.

— Дикий, неблагодарный скот! — процедил он сквозь зубы, и его взгляд потемнел от неприкрытой злобы.

7008 затаилась, не смея издать ни звука и стараясь слиться с окружением.

Пэй Чан шагнул под душ, подставив израненное тело под струи горячей воды. Словно не замечая жгучей боли, он безучастно наблюдал, как алые ручейки уносятся в сливное отверстие, а воспаленная кожа вокруг следов укуса наливается пунцовым цветом.

Прикрыв глаза, он подставил лицо под обжигающий поток. Прозрачные капли стекали по подбородку к шее, где при каждом движении кадыка плавно перекатывалась маленькая, едва заметная родинка.

<http://bllate.org/book/20309/2111943>